

В ДОХОДНО ВВЕЛИКИЕ, РОЖДЕННОЕ ПОДВИГОМ

Стихи армянских поэтов о Великой Отечественной войне

Геворг ЭМИН

Три матери в черном вдоль
снежной дороги
идут о сынах погадать.
К гадалке идут, чтоб унять
все тревоги,
предчувствия чтобы унять.
Сквозь слезы встает перед
ними долина,
рыдания губы свели...

...Сегодня чуть свет три их
доблестных сына
на дальней земле полегли.

Смотрю на землю — здесь
с древнейших дней
рос виноград, курчавилась
трава,

пергамент обрабатывал на
ней
наш древний пращур
и писал слова.

Потом пришла на эти земли
смерть,
чей норов кровожаден и
суров,

и завертелась злая
круговерть
военных и безжалостных
годов.

Потом сошла на землю
тишина,
крававый дол опять травой
зарос.

Да, будет щедростью
природы
в такие дни живой отец.
И средь военной непогоды
соединение сердец.

О радости святая жажда,
ну что б тебе тогда
расцвеств!

А тут почти что в доме
каждом
скупая траурная весть...

Лишь прах кругом — вот
твой конец, война,
и ветер этот прах с собой
унес.

В безмолвном мире голосок
воды

один звенит средь
сумрачных долин,
прошли и стерлись
страшные следы,
и вновь травы зеленый
сочный клин...

О сколько раз горели
здесь сады
и сколько раз трава росла
сквозь прах!..

Что ж, снова ждать
затишья и беды,
войны и праха в
горестных горах?..

1942 г.

Поэт, который идет в бой

Если понял ты, что семья
родника в долине всходит
лишь вослед за ливнем,
значит,
разрылив умело вспашку
в ожиданьи всходов новых,
ты, как все, пойдешь на
битву.
Ты легко пойдешь на битву.
Что тебя страшить в ней
может?

Сколько раз, поэт, ты
помнишь
воевал ты с темным роком,
вдохновенно отрицая
отнимающую жизни
злую, яростную силу
и даря свое дыханье
уходящему мгновенью...
Так чего тебе страшиться?
Ты иди дорогой смерти,
чтобы доблестным не только
зваться, но и быть им,
быть им.

Грозной битвой закаленный,
патриота долг свой чистый
ты исполнишь в том
сраженье.

Что с того, что можно руку
потерять в бою кровавом!
Та рука, что остается,
будет стоять тысяч тысяч.
Ею шар земной, быть
может,
повернешь ты в изумленьи...

Что с того, что из сраженья
можешь ты слепым
вернуться!

Победил ты смерть, о жизни
знаешь ты теперь немало.
Битвы новых Иллионов
ты теперь сумеешь
вспомнить,
как слепец Гомер
осмыслить...

Айрен расставания

О братья! На битву иду,
счастливо вам всем
пребывать,
любовь в своих душах
хранить,
а бед и тревоги не знать.
Пусть льется, как прежде,
вино,
на кейфе веселье царит
и место мое на шпире
пусть память навек
сохранит.

О мама! Я в бой ухожу,
сестра дорогая, прощай!
Шути, как шутили мы
встарь,
и часто меня вспоминай.

О только бы, только бы
знать,
что вас провиденье хранит!
Сестра, ты затеплишь опять
свечу у хачкаров и плит.
И ты, Ереван мой родной,
и Норк густокудрый,
прощай!

Приму я огонь, чтоб навек
цветущим остался мой край.
И если паду я в бою,
поплачьте, как мать, надо
мною.

О только бы шел мой
народ
своею дорогой седой!

1943 г.

Рачия ОВАНЕСЯН

Эпилог

Я тоже, как они, погиб на той войне,
со смертью тех друзей и я сошел в могилу.
И мой окончен путь там, на Балтийском дне,
или на берегах, где Терек разъярило...

В Берлине, у Карпат... Я похоронен там...
Весной и надо мной земля в цвету бушует.
Я тоже, как они, ростком служу полям,
вся разница лишь в том, что долг мне петь диктует.

Пишу я песнь о них: лишь это говорит
о том, что жизнь моя, как их, не оборвалась.
Но больше ничего от них не отличит,
я — их душа, тела ж навек в полях остались.

Они во мне, со мной, наш вечен разговор...
Не верите вы мне? У звезд ночных спросите
и у людей, у тех, чей так задумчив взор,
а вы, мои друзья, спокойно, тихо спите.

Иль можете спросить у сонных фонарей,
которые меня зовут домой ночами,
у грустных снов моих и у души моей —
о, как болит она, измученная снами!

У дочери моей, с которой часто днем
я говорю о тех, кто с битвы не вернулся,
у журавлей, что вдаль летят в строю прямом,
у слез — как ими я еще не захлебнулся!

И обретают жизнь товарищи мои,
и так же, как и я, приходят с поля боя...
И так же, как и я, все старятся они...
Летит за годом год, и все они со мною.

Юрий ИГИТЯН

Горит у той могилы
сотни дней
огонь живой
и золотой и вечный.
И стройный ряд высоких
тополей
склонился в скорби
светлой и сердечной.

Под черною плитою
спит солдат
в безмолвни аллен

тополиной.
А в мае маки красные горят
здесь с черной, как и
мрамор, сердцевинной.
Перевела Н. Саакян.